

Э.Л.Нитобург

Ю.П.Петрова-Аверкиева: ученый и человек

«Хвуана из рода квакиютлей» — под таким интригующим названием более четверти века назад в петрозаводской газете появился небольшой очерк о жизни и пути в науке уроженки Карелии, ученого-американиста и главного редактора журнала «Советская этнография» Юлии Павловны Петровой-Аверкиевой*. Автор очерка в живой и увлекательной форме познакомил ее земляков с необычной и счастливой судьбой комсомолки, дочери простого лесоруба, ставшей женой видного советского дипломата, которая посвятила себя науке и обрела широкую известность как этнограф, специалист в области культуры и социальных отношений индейцев Северной Америки¹. На самом деле, однако, судьба далеко не часто баловала героиню очерка. Изломы ее жизненного пути напоминают скорее аттракцион, известный у нас как американские, а на западе — как русские горки. Но автор очерка многого не знал, а если бы и знал, то не смог бы тогда опубликовать. В подобном положении находились в 1980 г. и авторы некролога в «Советской этнографии», посвященного Ю.П.Петровой-Аверкиевой. Пришла пора наконец попытаться полнее рассказать об этом незаурядном человеке.

Среди своих предков Юлия Павловна называла онежских крестьян-поморов села Малошуйка Архангельской губернии, по отцу — Аверкиевых, а по материнской линии — Андроновых. Но уже дед ее, Андрей Аверкиев, отходничал на лесозаготовках в карельских лесах Кемского уезда Архангельщины, куда затем стал брать с собой и сына Павла, работавшего там сначала кашеваром, а когда подрос, то, как и отец, лесорубом. Решив вскоре после женитьбы переехать из Малошуйки в те края, Павел

* Выражаю признательность и благодарность за помощь, оказанную в сборе материала для очерка о Ю.П.Петровой-Аверкиевой, ее дочери, Зинаиде Аполлоновне Петровой, и внуку, Антонию Джемаловичу Ниорадзе.

Андреевич с ожидавшей ребенка молодой женой летом 1907 г. отправились туда. Но роды наступили уже в пути, 24 июля в селе Подужемье. Назвали дочь Юлией, и первые детские ее воспоминания были связаны с затерянной в тайге, к востоку от финской границы, деревушкой Тихозеро, где отец работал на заготовке и сплаве леса. В первые классы школы девочке, с тетрадками и бутылкой молока в холщовой сумке, приходилось зимой ходить через озеро в ближнюю деревню. К этому времени у нее появились сестренки: в 1912 г. — Вера, а в 1915 г. — Аня. В зимние месяцы семья жила вместе, а летом мать уезжала с детьми к бабушке в Малошуйку на сельскохозяйственные работы. В 1916 г. все перебрались на жительство в г. Кемь, где соседями по дому оказалась семья политического ссыльного Синцова, у которого собирались его друзья. Заметив способности девочки, его жена, Анастасия Андриановна, перед возвращением их из ссылки в Петроград посоветовала Юле обязательно учиться и оставила свой адрес. Однако в 1918 г. семья лишилась матери, и рано овдовевший Аверкиев спустя некоторое время женился на местной жительнице, которая научила Юлю карельскому языку. Поскольку отец целыми днями работал в лесу и дома бывал в основном по воскресеньям, Юле уже с 11 лет пришлось взять на себя заботы не только о доме и хозяйстве, но и о двух младших сестренках. В то же время она продолжала учиться в школе. Привыкнув к северному климату и сильно пересеченной местности, она стала превосходной лыжницей, а спортивную форму старалась поддерживать даже в пожилом возрасте². В 1925 г., когда Юля Аверкиева окончила в г. Кемь (вошедшем к этому времени в состав Карельской АССР) среднюю школу, она уже обладала достаточно сильным характером.

Успехи ее в школе были замечены, и Наркомпрос Карелии направил Юлю на учебу в вуз. Сдав в Петрозаводске вступительные экзамены, она осенью 1925 г. поступила на этнографическое отделение географического факультета Ленинградского университета³. Карельская земля веками была местом слияния славянской и финно-угорской культур. Не исключено поэтому, что такой выбор определила богатая и своеобразная культура смешанного карело-русского населения, среди которого прошло детство Ю.Аверкиевой. Попав на установочную лекцию проф. Владимира Германовича Богораза, она поняла, что ее призвание — именно этнография. Под руководством таких выдающихся ученых, как Л.Я.Штернберг (1861—1927) и В.Г.Богораз (1865—1936), она специализировалась в университете в области финно-угроведения, упорно совершенствуя знание финского языка и уже с младших курсов активно участвуя в этнографических экспедициях в Ухту,

Ладвозеро, Вокнаволок и другие места родной Карелии⁴. «Мы устраивали наши экспедиции исключительно из молодежи на том основании, что учиться работать должна молодежь, — писал в предисловии к сборнику студенческих работ В.Г.Богораз. — Этнография не живет в кабинетах. Она живет в полевой работе»⁵.

Заканчивая весной 1929 г. Университет как специалист по родному краю и его народу, Юлия собиралась возвращаться в отцовский дом, но судьба распорядилась иначе. Как раз к этому времени вернулся из поездки в США Богораз. По договоренности со всемирно известным антропологом и одним из основоположников американской этнографии Францем Боасом (1858—1942) об обмене студентами, он впервые привез пять приглашений для советских студентов продолжить учиться и специализироваться в Америке. Но когда одно из них — стипендию Барнард-колледжа Колумбийского университета в Нью-Йорке — предложили в ректорате студентке Ю.Аверкиевой, она от нее отказалась и обратилась за поддержкой в карельский Наркомпрос. Однако ей ответили, что выпавшую возможность надо почитать за честь и собираться в дорогу. После такого напутствия пришлось, как вспоминала она, до одурения заниматься английским языком на курсах, да еще и брать частные уроки. Но экипироваться как следует ей удалось уже только в Берлине, где были распределены по американским учебным заведениям и городам все участники группы⁶. 27 сентября 1929 г. Богораз в письме Боасу еще раз представил и рекомендовал направляемую к нему свою студентку Юлию Аверкиеву⁷.

В Нью-Йорке, куда она прибыла в начале октября, Юлия оказалась одна. А вскоре Богоразу пришло письмо из деканата Барнард-колледжа от Вирджинии Гильдерслив, сообщавшей, что она была рада познакомиться с «русской студенткой» Джулией Аверкиевой, «умной и приятной девушкой». «Хотя ее английский язык еще довольно слаб, я совершенно уверена, что он улучшится очень быстро», — писала Вирджиния Гильдерслив и выражала благодарность Богоразу. Копия письма была передана в ректорат ЛГУ⁸, и 4 февраля 1930 г. в газете «Красная Карелия» появилась заметка о пребывании студентки из Петрозаводска Ю.Аверкиевой в Америке и ее учебе «под руководством знаменитого профессора Боазе»⁹.

Специализацию надлежало проходить на возглавляемом тогда Боасом антропологическом (этнографическом) отделении Колумбийского университета, частью которого являлся женский Барнард-колледж. Он располагался на Бродвее за высоким забором, и там, по воспоминаниям Аверкиевой, существовали почти монастырские нравы. Директриса, весьма чопорная дама, время от времени приглашала к себе «на вечерний чай» для неформаль-

ного общения нескольких студенток, и однажды в их числе оказалась Юлия. Америку поразила «великая депрессия» 1929—1933 гг., дипломатических отношений между США и СССР тогда еще не было, американцы мало знали об этой огромной стране, а слухи о ней ходили самые различные. Естественно, что студентка оттуда оказалась в центре внимания и ее буквально засыпали вопросами, на которые она, хотя и с помощью владевшей русским преподавательницы, старалась подробно ответить. В колледже Юлия изучала историю американской этнографии под непосредственным руководством проф. Рейгард, которая, учитывая трудности русской студентки с английским, стала уделять ей раз в неделю дополнительное время¹⁰. Наряду с занятиями в колледже Юлия посещала лекции Боаса. О своих занятиях она рассказывала в письмах Богоразу.

Между тем время шло, и однажды, беседуя с Аверкиевой, Боас сказал: «У вас дела идут неплохо, Джулия, но теорию надо подкрепить практикой. Как бы вы отнеслись к тому, что я возьму вас в экспедицию?» — «Очень хорошо бы отнеслась», — ответила она, и после специальной подготовки под его руководством к этой поездке Юлия в октябре 1930 г. оказалась вместе с Боасом на северо-востоке канадского острова Ванкувер, в индейской деревне Форт-Руперт, где жили индейцы квакиютль (квакиутл). Боас относился к студентке из России с большой теплотой, летом она жила в его коттедже, а чтобы без визы провезти Юлию на Ванкувер, он выдал ее за свою внучку¹¹.

Остров Ванкувер, крупнейший (300 миль в длину) из цепочки островов, протянувшейся вдоль северо-западного побережья Северной Америки, входит в состав канадской провинции Британская Колумбия, у побережья которой он расположен. Благодаря высокой влажности и сравнительно мягкому климату низины и склоны подступающих к его берегам гор покрыты пышной растительностью. Особенно богата здесь морская фауна: киты, тюлени, котики, палтус, треска, сельдь, лососевые и т.д. Предоставляя разнообразные пищевые ресурсы, природа этого района издавна способствовала привлечению сюда человека и развитию культуры, особенно связанной с морем. В течение тысячелетий здесь сложилась своеобразная индейская культура, основанная на ловле лососевых и охоте на морских, а также лесных животных. Древнейшими насельниками северо-западного побережья считаются племена вакашей — нутка и квакиютль. Позже сюда пришли и другие племена.

Впервые посетив северо-западное побережье в 1886 г., Боас посвятил изучению населявших его индейцев всю свою жизнь. Тогда же он впервые побывал на острове Ванкувер, северную часть которого заселили квакиютли, и в последующие 45 лет

приезжал сюда для изучения их социальной организации, языка, материальной и духовной культуры около десятка раз. Плодом этих экспедиций явились семь его книг о квакиютлях.

Полевая работа Аверкиевой на острове Ванкувер длилась до середины января 1931 г. Она жила среди квакиютлей: разделяла их бытовые заботы, изучала их хозяйство, межплеменной торговый обмен, социальную организацию, обычаи и обряды, наблюдала их танцы, участвовала в их праздниках. Юлия убедилась на своем собственном опыте в их высокоразвитом чувстве собственного достоинства, в верности друзьям. И квакиютли, оценив ее трудолюбие, внимание и дружественное отношение к ним, также относились к ней с большим уважением, выразив это специальным обрядом принятия Юлии в члены одного из родов племени. Назвав ее индейским именем Хвуана, они вручили ей родовой тотем в виде ярко раскрашенного орла, терзающего касатку. Юлия Павловна всегда сохраняла его на своем письменном столе¹². Эта четырехмесячная (с октября 1930 по январь 1931 г.) экспедиция навсегда определила круг научных интересов будущего уникального в нашей стране специалиста в области этнографического изучения индейцев Северной Америки — продолжателя традиции, начало которой было положено еще первой русской академической экспедицией И.Г.Вознесенского, обследовавшей в 1840—1845 гг. северо-западное побережье Америки от Берингова пролива до Калифорнии.

В число поручений, данных Боасом «русской студентке» на Ванкувере, входило изучение и «освоение» так называемой веревочной игры на пальцах рук и сбор материала о конструируемых при этом «веревочных фигурах». Она занималась этим более трех месяцев, оставив Боасу пухлую рукопись объемом в 391 страницу, коллекцию из 102 таких фигур, а также описание методов их конструирования с соответствующими фотографиями и карандашными рисунками, сделанное ею уже в Нью-Йорке перед отъездом на родину. Позже, став аспиранткой, она включала эту работу в перечень своих научных трудов¹³. Однако Боас в 1942 г. умер, так и не успев подготовить эту рукопись к публикации, а его наследники передали ее на хранение в Американский музей естественной истории лишь в 1960 г. Но и там эта работа пребывала в забвении вплоть до 1982 г., когда ее после нескольких лет поисков обнаружил и постепенно подготовил к изданию молодой исследователь Марк Шерман. В 1992 г. рукопись наконец была опубликована, и тогда выяснилось, что, хотя к этому времени вышло уже почти три десятка работ о «веревочных играх» у чукчей, эскимосов и индейцев Северной Америки, работа молодой Юлии Павловны оказалась «самым исчерпывающим

исследованием коллекции веревочных фигур, когда-либо собранных у одного племени коренных американцев», ибо ей, «несмотря на юный возраст, удалось собрать <...> коллекцию <...> по аккуратности описания, полноте и завершенности <...> соперничающую с коллекциями более опытных этнографов»¹⁴. Не случайно автор краткого предисловия к этой прекрасно изданной книге Билл Холм, ученик Боаса, свидетельствует, что когда в 1960 г. ему довелось побывать у квакиютлей Ванкувера, то старики из деревень Форт-Руперт и Алер-Бэй вспоминали «русскую девушку», сопровождавшую Боаса в 1930—1931 гг., рассказывали, как поразительно быстро она освоила их «веревочную игру» на пальцах, и интересовались, когда снова придет Джулия¹⁵. Об этом же они спрашивали и американского ученого Рональда Ронэра, побывавшего в Форт-Руперте в 1962 г.¹⁶.

«Русская студентка» старалась максимально использовать свое пребывание в Северной Америке. Оказавшись в начале 1931 г. в Оттаве на обратном пути с о-ва Ванкувера в США, она не преминула познакомиться с экспонатами Канадского этнографического музея. Причем директор его Д.Дженнес лично ознакомил посетительницу из далекой России с коллекцией особо интересовавших ее предметов обихода и добычи средств к существованию индейцев квакиютль¹⁷.

Находясь в Нью-Йорке, Аверкиева поддерживала регулярную связь со своими университетскими учителями и наставниками в Ленинграде — В.Г.Богоразом и Н.М.Маториным. Так, 15 июня 1930 г. Маторин («этнограф-марксист номер один», как его за глаза называли тогда), вскоре назначенный директором Музея антропологии и этнографии (МАЭ), писал ей: «Все письма Ваши я получил <...> Вы спрашиваете — ехать ли Вам к индейцам. Разумеется, да — если к этому есть какая-либо практическая возможность. При этом обратите внимание на <...> 1. Степень разложения родового устройства. 2. Формы и степень классовой дифференциации. 3. Зависимость идеологической надстройки <...> от материальных условий производства, уровня техники и т.д. 4. Степень сохранности старых религиозных представлений; влияние христианства. 5. Отношение индейцев к белым <...> Если Ваша поездка состоится, то учтите мои замечания».

И далее: «...Мы ведь гордимся Вами, Вашим упорством и способностями. Мы ждем, что через год еще к нам придет свой, родной нам вполне по идеологии человек, обогащенный большими знаниями <...> Ведь нужны в СССР свои американисты, австраловеды, индеанисты <...> Недавно был я в Карелии — в Петрозаводске — и говорил там о вас <...> вплоть до предсовнаркома»¹⁸.

Н.М.Маторин считал полезным информировать Юлию о событиях и переменах, происходивших в советской этнографической науке и связанных с ней научных учреждениях. 5 марта 1931 г. он пишет своей 23-летней корреспондентке: «В области этнографии проделана несомненно немалая теоретическая и организационная работа. Командные высоты сейчас полностью в руках марксистов, но зато тем большее бремя ложится на наши плечи. Мы должны осуществлять и в своей области лозунг "догнать" и "перегнать", разоблачая все буржуазные, мелкобуржуазные и вульгарные концепции». И далее, характеризуя «нынешний этап нашей советской этнографии», он подчеркивает: «<...> Необходимо окончательно отказаться от иллюзии самостоятельных наук: этнографии, археологии, фольклора. Существует только одна наука — история человеческого общества, которая требует для своего конструирования материала самого разнообразного: этнографического, археологического, языкового и т.д. <...> Этнографам нужно основательное изучение теории исторического материализма, вне и без которого невозможно объяснить ни одной ранней социально-экономической формации. <...> Необходимо связать вопрос об этнографическом изучении с проблемами преодоления докапиталистических укладов в процессе социалистического строительства». Рассказав далее о делах в выделившемся из ЛГУ Историко-лингвистическом институте, в МАЭ, в новом, руководимом акад. Н.Я.Марром Институте изучения народов СССР, а также в Академии истории материальной культуры, Маторин завершает письмо «приветом проф. Боасу» и просит сообщить ему о возможности предоставить одну аспирантскую стипендию в Ленинграде для американца¹⁹.

Вернувшись в мае 1931 г. из Америки в Ленинград, Юлия передала в МАЭ собранную ею за время экспедиции на о-в Ванкувер коллекцию, насчитывавшую 61 предмет культуры и быта индейцев квакиютлей²⁰. Затем, получив документы об окончании Ленинградского университета, она в июле того же года стала аспиранткой МАЭ, а в августе по договору — научным сотрудником II разряда отдела Северной Америки МАЭ на $\frac{1}{2}$ ставки²¹. Темой своей кандидатской диссертации Аверкиева выбрала проблему возникновения в недрах первобытнообщинного строя ранних форм рабовладения на примере индейцев северо-западного побережья Северной Америки. В те годы это было новаторской исследовательской задачей.

Но кроме работы над диссертацией начинающей аспирантке пришлось заняться переводом на английский язык части рукописи старейшего этнографа и одного из ее первых учителей в Университете Л.Я.Штернберга. В 1897—1902 гг. Боас организовал

знаменитую Джезуповскую экспедицию, задачей которой стали этнографические исследования народов тихоокеанского севера Америки и России силами ученых обеих стран. К участию в этой работе он сразу же привлек русских ученых из бывших политических ссыльных-народовольцев — В.Г.Богораза, В.И.Иохельсона (1855—1937), а позже и Л.Я.Штернберга. Плоды этих исследований публиковались в виде солидных томов Джезуповской серии "Anthropological Papers" Американского музея естественной истории. В частности, когда в 1905 г. Боас пригласил Штернберга на три месяца в США, в Нью-Йорк, для работы над Амурской коллекцией этого музея, они договорились о присылке Штернбергом своей рукописи о гиляках (нивхах) и их соседях для публикации в Джезуповской серии. В 1907 г. Боас предложил Штернбергу перевести его рукопись на английский язык в Нью-Йорке. Однако последующие политические и связанные с ними события в России, в мире и в США затянули реализацию этих планов, и, когда наконец после доработок рукопись «Социальная организация гиляков» была подготовлена к отправке Боасу, Штернберг в августе 1927 г. умер. Осуществлением плана издания его труда на английском языке занялась вдова Штернберга С.А.Ратнер-Штернберг. Но «великая депрессия» в США и финансовые затруднения Американского музея естественной истории снова затормозили подготовку перевода рукописи на английский. Встал вопрос о выполнении перевода в Ленинграде, и тогда Боас предложил подключить к этой работе свою «русскую студентку» Юлию Аверкиеву, что и было сделано. И хотя Ратнер-Штернберг, не очень доверяя переводческой квалификации начинающей аспирантки, теперь уже сама затормозила подготовку перевода, раздел «Фратрия и ее происхождение» седьмой главы рукописи и ее восьмая глава «Эволюция фратрии» были переведены Юлией Павловной. Это отмечено в вышедшем наконец, почти 70 лет спустя, в серии "Anthropological Papers" огромном труде Л.Я.Штернберга «Социальная организация гиляков»²².

Весной 1932 г. в журнале «Советская этнография» появилась небольшая статья с кратким обзором основных исследовательских центров в США, занимавшихся проблемами этнологии и физической антропологии, а также теоретических концепций трех крупнейших американских ученых в данной области науки²³. Это была первая научная статья, опубликованная аспиранткой МАЭ Аверкиевой, будущим многолетним главным редактором журнала. А в декабре 1931 г. ее премировали 300 рублями «за хорошее качество учебы и производственной работы»²⁴.

В июле 1935 г. Юлия Павловна «на основании состоявшейся публичной защиты диссертации» была утверждена кандидатом

наук²⁵. И в том же году в «Советской этнографии» появилась написанная на основе диссертации вторая ее статья²⁶.

Полностью диссертация была опубликована в виде монографии «Рабство у индейцев Северной Америки» в 1941 г., а позже дважды, в 1947 и 1966 гг., издавалась на английском языке в Канаде²⁷. И это не случайно, ибо скрупулезный анализ конкретного материала о патриархальном рабстве у индейцев северо-западного побережья Северной Америки позволил Аверкиевой прийти к интереснейшим выводам о специфическом пути возникновения рабства в условиях развитого рыболовческого, т.е. в основе своей присваивающего, хозяйства, вскрыть механизм процесса классообразования в обществе высокоспециализированных рыболовов и охотников на морского зверя.

Между тем в начале 30-х годов в личной жизни Юлии Аверкиевой произошли важные перемены: 4 августа 1931 г. она вступила в брак с человеком, о котором впоследствии предпочитала не рассказывать. Правда, в одной из вышедших в 90-х годах в США книг говорится, что «через три месяца после возвращения (из Америки. — Э.Н.) Аверкиева вышла замуж за американца по имени "Петр" (отчество неизвестно). Петр Аверкиев (он взял ее фамилию) незадолго до этого успел завершить свое высшее образование и эмигрировал в Советский Союз как инженер-электрик. В июле 1934 г. у них родилась дочь Елена. К сожалению, сведения о Петре Аверкиеве после этой даты отсутствуют. По слухам, он был обвинен в антигосударственной деятельности. Его дальнейшая судьба неизвестна»²⁸. В действительности он был русским американцем из семьи российских иммигрантов в Америке. Его звали Петр Афанасьевич Букин, родился он в Самаре, в 1904 г. В своих «анкетных» автобиографиях Юлия Павловна, упоминая о нем, ограничивалась фразой: «после развода связи с ним не имею»²⁹. На нашу попытку выяснить его судьбу путем официального запроса Центральный архив ФСБ РФ ответил, что там «сведений о Букине П.А. не имеется»³⁰.

Несомненно, столь драматическое начало супружеской жизни явилось тяжелым ударом для молодой матери с годовалой дочерью на руках. Но, как нередко в жизни случается, «пришла беда, отворяй ворота».

Вскоре после убийства в декабре 1934 г. С.М.Кирова в стране, в том числе в Ленинграде, развернулась «активная борьба с буржуазной идеологией и чуждыми течениями в науке». В своей книге «От "буржуазной" этнологии к "советской" этнографии» Т.Д.Соловей характеризует период с конца 20-х до второй половины 30-х годов XX в. как время идеологической, организационно-структурной, кадровой перестройки и «коренного перелома»

в судьбах отечественной этнографии³¹. В октябре 1930 г., как уже отмечалось, директором старейшего академического учреждения — МАЭ стал Н.М.Маторин, и тогда же он был назначен ответственным редактором журнала «Этнография», в 1931 г. переименованного в «Советскую этнографию». В 1933 г. Маторин стал первым директором Института антропологии и этнографии (ИАЭ), созданного на базе МАЭ, и Института по изучению народов СССР (ИПИИ). Однако в конце декабря 1934 г. он был исключен из ВКП(б), затем арестован и в феврале 1935 г. приговорен к пяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях, а в октябре 1936 г. по делу «троцкистско-зиновьевской террористической организации» расстрелян³². Такая же участь постигла и его преемника (официально — зам. директора ИАЭ) А.А.Бусыгина.

Не избежал в годы «коренного перелома» структурной и кадровой реорганизации и Ленинградский университет. В 1932 г. этнографическое отделение на географическом факультете было закрыто, а преподавание этнографии в ЛГУ восстановлено лишь в 1937 г. на... филологическом отделении. Не случайно незадолго до своей кончины в 1936 г. Богораз, всерьез подумывавший об эмиграции, в одном из писем сообщил Боасу о ситуации на университетской кафедре как о «нашем бурлящем котле»³³. Примерно такая же была в 1935—1936 гг. обстановка после ареста Маторина в ИАЭ. В своей «анкетной» автобиографии Юлия Павловна сообщала: «С 1926 по 1935 г. я была членом ВЛКСМ, летом 1936 г. была исключена из комсомола за потерю бдительности в связи с арестом директора института, комсоргом которого я тогда была. После моего обращения в ЦК ВЛКСМ решение об исключении было отменено, и я вышла из рядов ВЛКСМ по возрасту»³⁴.

В действительности же дело обстояло так: во время первомайской демонстрации 1936 г. Аверкиева, случайно встретив на улице возвращавшегося из командировки и спешившего домой А.А.Бусыгина, поведала ему о новостях в Институте — аресте нескольких сотрудников и в том числе его жены, а затем рассказала об этой встрече сослуживцам тут же на демонстрации. Комитет ВЛКСМ объявил ей «за политическую близорукость и потерю классовой бдительности <...> строгий выговор». Но бюро райкома ВЛКСМ в августе 1936 г. это решение отменило и постановило: «За прямую помощь контрреволюционеру Бусыгину, выразившуюся в предупреждении об аресте его жены, из членов ВЛКСМ исключить»³⁵. И уже в сентябре 1936 г. Аверкиеву из ИАЭ уволили. Однако Юлии Павловне тогда и в голову не могло прийти, что эта уличная встреча с Бусыгиным, так же как и переписка начала 30-х годов с Маториным, обойдется ей позднее намного дороже...

В октябре того же года Аверкиеву — молодого кандидата наук, которая владела английским, немецким, французским и финским языками, охотно приняли на работу в Государственную публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина на должность библиотекаря I разряда в отдел систематики. Как отмечено в сохранившейся там в ее «личном деле» копии справки от 11 февраля 1937 г., выданной для представления в ЦК ВЛКСМ, Ю.П.Аверкиева «работает научным сотрудником-систематизатором. Ею составлены каталоги по этнографии, географии и антропологии по выработанным ею схемам. В работе тов. Аверкиева проявила себя как квалифицированный работник, справляющийся с порученной ей научной работой»³⁶. Одновременно со службой в библиотеке она выполняла договорную работу по специальности для ИАЭ «Род у индейцев квакиютлей»³⁷. Но уже в конце октября 1937 г. Аверкиева обратилась в дирекцию библиотеки с просьбой о переводе ее до 1 января 1938 г. «на половинный рабочий день», а в середине мая 1938 г. уволилась из библиотеки³⁸.

По-видимому, это было вызвано рождением второго ребенка. Осенью 1935 г. Ю.П.Аверкиева вышла замуж за научного сотрудника Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук, специалиста по древней китайской философии Аполлона Александровича Петрова, удочерившего ее дочь Елену. А в 1937 г. у них появилась вторая дочка — Зина, и забот в молодой семье прибавилось. Тем не менее Аверкиева вскоре снова стала работать, теперь уже старшим научным сотрудником Института этнографии (так с 1937 г. стал называться ИАЭ), и проработала в нем вплоть до начала Великой Отечественной войны³⁹.

С началом войны ее муж был переведен из Ленинграда в Москву, в Министерство иностранных дел, а его семья вскоре вместе с семьями сотрудников МИД эвакуирована сначала в село Услан под Казанью, а затем в Куйбышев, куда осенью 1941 г. был эвакуирован из Москвы МИД. В мае 1942 г. вся семья выехала в Чунцин, где тогда временно находилось возглавляемое Чан Кайши правительство Китая. Петров был направлен туда на работу в качестве первого секретаря, а затем советника посольства СССР. Около года работала переводчицей в посольстве и сама Ю.П.Петрова-Аверкиева⁴⁰. В сентябре 1943 г. Петров был отозван на родину, его семья вернулась в Москву и Юлия Павловна была принята в докторантуру Института этнографии (ИЭ) АН СССР.

Однако в апреле 1945 г. Аполлон Александрович был назначен послом Советского Союза в Китае, и семья вновь оказалась в Чунцине. В середине 30-х годов этот административный центр провинции Сычуань, расположенный на скалистом мысе между полноводной Янцзы и Цзялинцзян, представлял собой заштат-

ный портовый город с населением 200—250 тыс. человек. Но летом 1938 г., вскоре после нападения на страну Японии, именно туда была перенесена столица сражавшегося Китая и были эвакуированы многие заводы, фабрики, учебные заведения. Постепенно город буквально затопили волны беженцев от захвативших весь северо-восток и восток страны японских оккупантов, превратив Чунцин в своего рода «китайский Вавилон» с почти двумя миллионами жителей, трущобами, нищетой, полчищами комаров и москитов, болезнями и преступностью. Правда, посольство СССР располагалось высоко на сопке, во дворце местного богача, но, по свидетельству одного из посольских сотрудников, «давящая духота и влажность не покидали нас все время, пока мы жили в Чунцине». Город сильно пострадал и от японских бомбардировок. Лишь в начале 1946 г. посольство было переведено в Нанкин, куда вскоре после капитуляции Японии переехало правительство Чан Кайши⁴¹.

Вынужденная перейти в заочную докторантуру, Юлия Павловна поддерживала связи с ИЭ и продолжала интенсивно работать над докторской диссертацией. Об этом свидетельствуют, в частности, три ее статьи, опубликованные в 1946 г., и в начале 1947 г.⁴². После приезда вместе с мужем в июле 1947 г. из Китая в отпуск в Москву Юлия Павловна, стремясь быстрее завершить диссертацию, сдала в печать еще одну статью⁴³. 1 ноября 1947 г. она была принята на работу в ИЭ в качестве младшего научного сотрудника, но 28 ноября ее арестовали органы МГБ⁴⁴.

В тюрьме Петрова-Аверкиева родила в конце апреля 1948 г. своего третьего ребенка — сына Александра. А 11 января 1949 г. дома совершенно неожиданно в возрасте около 42 лет умер продолжавший вплоть до своей кончины работать в МИДе ее муж А.А.Петров. Полагают, что потрясенный арестом беременной жены, он скончался от сердечного приступа. Однако сама она была убеждена, что мужа по заданию «органов» отравила домработница, о чем еще в 60-х годах она поведала автору настоящей статьи и некоторым другим сотрудникам ИЭ. Между тем никакого суда над Петровой-Аверкиевой вообще не было: постановлением так называемого Особого совещания («тройки») при МГБ ее заочно, «по подозрению в шпионских связях», приговорили 23 апреля 1949 г. по статьям 7 и 35 УК РСФСР, как «СОЭ» — «социально-опасный элемент», к пяти годам работ (с зачетом предварительного заключения) в исправительно-трудовых лагерях⁴⁵.

Свой срок она отбывала с мая 1949 г. в Мордовии на сельскохозяйственных работах в «Темниковском заповеднике» — так называли его обитатели зону специальных исправительно-трудовых лагерей в районе г. Темникова. Как вспоминала репрессиро-

ванная почти одновременно с Юлией Павловной (но уже вторично в своей жизни) и оказавшаяся в том же «заповеднике» ее коллега, этнограф Н.И.Гаген-Торн, «этапы приносили вести о судьбах людей <...> Еще в тюрьме я слышала, что вслед за мной была взята моя сослуживица по Институту — Юлия Николаевна (отчество заменено, видимо, сознательно. — Э.Н.) <...> Тяжело шло следствие. Потом я узнала: она тоже в Темниках <...>»⁴⁶.

По поводу ее ареста в 1947 г. М.Шерман сообщает (со слов умершей в 1998 г. старшей дочери Ю.П.Аверкиевой, Елены Аполлоновны, с которой он общался на рубеже 80—90-х годов), что в то время, когда в советском посольстве не было врача, заболела Зина — младшая дочь Юлии Павловны, и она обратилась к врачу посольства США за крайне необходимым лекарством. «Кое-кто» сообщил об этом «кое-куда». И, как заметила дочь, «Аверкиева знала, кто и почему»⁴⁷.

Хотелось бы в этой связи привести мнение такого свидетеля тех событий, как заместитель министра иностранных дел СССР и чл.-корр. РАН М.С.Капица, начинавший в 1943 г. свою дипломатическую карьеру как раз в советском посольстве в Чунцине и уехавший оттуда в 1946 г. «В ноябре 1945 года, — вспоминает он, — на военно-политической сцене Китая появился новый актер <...> полный (пятизвездный) генерал Дж.Маршалл, назначенный специальным представителем США в ранге посла. <...> Через несколько дней после прилета в Чунцин Дж.Маршалл появился в посольстве СССР. <...> Гость рассказал о своей миссии <...> Дж.Маршалл и А.А.Петров договорились о поддержании контактов. <...> Через какое-то время мы решили устроить пикник для встречи с американцами. Подыскали недалеко от города сосновую рощицу на пригорке, выбрали площадку с приятной травой, с тенью и красивым видом на просторы рисовых полей и пригласили Дж.Маршалла. Он с радостью согласился. <...> Место американцам понравилось <...> Начались тосты <...> Затем расселись по группкам: послы с переводчиками, военные с военными, разведчики с разведчиками. Надо сказать, мы и американцы жили дружно, еще сказывался военный союз наших стран. <...> Кстати, американцы нам очень помогали в случае нужды. Климат в Чунцине изматывал, дышать было нечем. Люди часто болели, и американцы, имевшие в Чунцине военный госпиталь, лечили наших людей»⁴⁸.

И далее Капица в своих мемуарах пишет: «Когда я приехал в Чунцин, послом был А.С.Панюшкин, в прошлом военный, человек твердый, умный. <...> Его сменил в 1945 г. А.А.Петров, ученый-китаевед, человек очень мягкий, интеллигентный. На его беду его жена, Юлия Павловна, кандидат наук, проходившая в

свое время практику в США, где изучала быт индейцев, слишком близко сошлась с работниками посольства США, через которых получала этнографическую литературу об американских индейцах. Это стоило ей свободы. В 1948 г. (на самом деле в конце ноября 1947 г. — Э.Н.) она была арестована <...> Решение о назначении А.А.Петрова заместителем министра иностранных дел было отменено, и он до преждевременной кончины в 1949 г. трудился экспертом в Архивном управлении (МИДа. — Э.Н.)⁴⁹.

Наконец, существовала еще одна версия непосредственного повода ареста Петровой-Аверкиевой, рассказанная ею Д.Д.Тумаркину, работавшему 14 лет бок о бок с Юлией Павловной в журнале «Советская этнография» в качестве заместителя главного редактора. Супруга Дж.К.Маршалла, познакомившаяся с женой советского посла, пригласила ее в гости, и последняя, свободно владевшая английским языком, нанесла свой визит одна, без переводчика, нарушив неписаный запрет на подобного рода контакты без сопровождающего лица. И об этом донесли «куда следовало»⁵⁰.

Но хотя донос одного из наказанных за недобросовестность служащих посольства действительно имел место, ознакомление с протоколами допросов и другими документами затянувшегося с ноября 1947 по апрель 1949 г. следствия по «Делу № 730» о жене советского посла в Китае позволяет предположить, что подлинной целью этого «дела» были фигуранты более высокого ранга, чем Юлия Павловна. «В первый же день ареста, — сообщила она позже в заявлении военному прокурору, — я была приведена в кабинет Абакумова, который объявил мне, что я арестована как шпионка и троцкистка, и предложил мне сознаться. На моих допросах очень часто присутствовал Комаров, уговаривавший меня "сознаться в шпионаже" и указать соучастников. Мне неоднократно заявляли, что муж мой шпион и во всем уже сознался, что у них есть документы, подтверждающие нашу шпионскую деятельность. На мою просьбу предъявить их мне отвечали отборной руганью <...> В конце апреля 1948 г. у меня родился сын, которого у меня забрали через две недели и поместили в дом ребенка, несмотря на то что был еще жив мой муж, отец ребенка. После родов меня еще держали в тюрьме больше года. В течение двух лет я не могла узнать адреса своего ребенка»⁵¹.

Судя по сохранившимся документам следственного «Дела № 730», формально «утвержденного» самим Абакумовым 29 ноября 1947 г., фактически оно было начато 12 ноября допросами в качестве свидетелей бывших врача, шофера и завхоза посольства, а также двух бывших научных сотрудников МАЭ⁵². На основе их показаний, ряда архивных документов 30-х годов, а также изъятых при аресте у Ю.П.Петровой-Аверкиевой всей личной пере-

писки и других бумаг, рукописей, газетных вырезок⁵³, книг, журналов и было, собственно, построено обвинение в шпионаже и троцкистской деятельности по существу без наличия (как это показали результаты следствия, а через семь лет и полная реабилитация обвиняемой) доказательств совершения приписываемых ей преступлений. Естественно, что, отвечая на такого рода обвинения по ст. 58—1а, официально предъявленные перед допросом 11 декабря 1947 г., Петрова-Аверкиева заявила, что в «преступной связи с троцкистами» (в число которых следователь, кстати, зачислил В.Г.Богораза и Ф.Боаса. — *Э.Н.*)⁵⁴ и «шпионской деятельности против Советского Союза» виновной себя не признает⁵⁵.

Не получив за отведенные для следствия и содержания обвиняемой под стражей три месяца какого-либо конкретного доказательства в пользу выдвинутого обвинения и не добившись признания обвиняемой своей вины, следователь начиная с января 1948 г. вынужден был 13 раз (!) ходатайствовать о продлении срока следствия еще на месяц в надежде добыть наконец столь необходимые доказательства⁵⁶. Ходатайства каждый раз удовлетворялись, но результаты, увы, не менялись. Однако последнее ходатайство, утвержденное 12 января 1949 г., использовать следователю не пришлось, ибо уже 17 января 1949 г. он неожиданно по указанию своего руководства принял постановление о переквалификации обвинения Петровой-Аверкиевой со ст. 58—1а («измена родине») на статьи 7 и 35 («социально-опасный элемент»). Теперь она обвинялась уже лишь в «связях» с троцкистами и лицами, «подозрительными по шпионажу»⁵⁷.

Хотя в материалах следствия нет ни слова о подлинной причине неожиданной метаморфозы в «Деле № 730», хронологическое сравнение и совпадение некоторых событий и фактов могло бы, как мне кажется, пролить свет на подоплеку «дела».

1. 28 апреля 1948 г. — заключенная Петрова-Аверкиева родила сына, отобранного у нее через две недели и отданного в Дом младенца. От ее мужа, отца ребенка, проживавшего с двумя их дочерьми и домработницей в Москве, все это скрыли. 2. Декабрь 1948 г. — допросы Петровой-Аверкиевой длятся уже более года, муж ее все еще работает в МИДе, а надежды на реализацию задуманного министром Абакумовым сценария разоблачения органами МГБ «шпионажа и измены родине» советским послом в Китае А.А.Петров в возрасте 41 года и в полном расцвете сил неожиданно «скоропостижно» умирает. И помня мнение Ю.П.Петровой-Аверкиевой на этот счет, сообщенное ею в 60-х годах автору статьи, поневоле ассоциируешь его с известной формулой сталинской эпохи: «нет человека — нет проблемы».

4. 17 января 1949 г. — переквалификация обвинения Петровой-Аверкиевой и немедленное, в тот же день, уничтожение всех (кроме приобщенной к следствию личной переписки) изъятых при аресте ее бумаг, рукописей, выписок и вырезок из газет, журналов, книг и т.д. (за исключением свидетельства о рождении, профсоюзного билета и университетского диплома)⁵⁸.

Что же касается самого буквально высосанного из пальца «Дела № 730», то остается не до конца ясным, затеял ли его министр госбезопасности СССР Абакумов в интересах только своей карьеры или, что представляется гораздо более вероятным, оно было связано с целями Л.П.Берии и судьбой бывшего тогда в опале у Сталина министра иностранных дел В.М.Молотова. Как известно, жена последнего, П.С.Жемчужина (Карпович), по навету абакумовских подручных была снята с работы, затем исключена из партии, летом 1948 г. арестована и, просидев год в тюрьме, сослана, а сам Молотов в марте 1949 г. освобожден от руководства МИДом и заменен А.Я.Вышинским⁵⁹. Появление же «дела об измене родине» советского посла в Китае, которого Молотов в 1947 г. намерен был назначить одним из своих заместителей, по расчетам Берии и Абакумова, нанесло бы его репутации в глазах Сталина сокрушительный удар.

Между тем Петрову-Аверкиеву в декабре 1952 г. вместо ожидаемого освобождения из лагеря отправляют на бессрочное поселение в Енисейский район Красноярского края, где она работала учетчицей на шпалозаводе поселка Стрелка, а затем фактуровщицей на погрузке леса на Стрелковском рейде Ангары. И хотя вскоре после смерти Сталина, 27 марта 1953 г., вышел известный Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии, по которому она, как осужденная на пять лет и как мать троих детей, подлежала освобождению со снятием судимости, в ее положении ссыльнопоселенки ничего не менялось. Лишь после ее обращения в октябре 1953 г. к Молотову, возвращенному к руководству МИДом и подключившему к решению ее вопроса секретаря Президиума Верховного Совета и МИД СССР, ссылка была отменена, судимость снята⁶⁰.

В мае 1954 г. Юлия Павловна вернулась в Москву к детям, которых не видела семь лет, была принята на работу в Академию наук. И как раз в том же году под грифом Института философии Академии наук была наконец опубликована так и не успевшая выйти в свет при жизни автора докторская диссертация ее покойного мужа⁶¹. Однако потребовалось еще два года, чтобы, преодолевая упорнейшее сопротивление Комитета госбезопасности при Совете Министров (сменившего МГБ), с помощью Прокуратуры СССР, установившей недоказанность предъявленных в

1947—1949 гг.⁶² Петровой-Аверкиевой обвинений, ей удалось добиться в мае 1956 г. решения Военной коллегии Верховного суда СССР о полной реабилитации⁶³.

Испытания, выпавшие на долю Юлии Павловны, не только не сломили ее, но лишь укрепили волю и целеустремленность этой, казалось бы, хрупкой на первый взгляд женщины. В августе 1954 г. она приступила к прерванной семь лет назад работе в качестве младшего научного сотрудника ИЭ и, опубликовав в ближайшие два года две статьи⁶⁴, уже в феврале 1957 г. была переведена в старшие научные сотрудники. В эти годы наряду с текущей плановой работой по подготовке тома «Народы Америки» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), вышедшего в 1959 г.⁶⁵, ведущей в ее научном творчестве становится основная проблема докторской диссертации — переход индейцев северо-западного побережья Северной Америки от родового общества к классовому. Именно с ней связаны были исследования пережитков материнского рода, тотемизма, выплавки и обработки металлов, а также возникновения частной собственности у индейцев этого региона и соответствующие статьи Юлии Павловны, опубликованные на рубеже 50—60-х годов⁶⁶. Результаты этих и начатых еще в 40-х годах исследований были воплощены в опубликованной в 1961 г. монографии⁶⁷ и защищенной на ее основе в марте 1962 г. докторской диссертации «Разложение родовой общины и формирование классовых отношений у индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки». Как считал рецензент этой монографии, «едва ли будет преувеличением сказать, что рецензируемая книга, подытоживающая труд Ю.П.Аверкиевой, начатый еще в довоенные годы <...> является самым значительным вкладом, когда-либо сделанным советскими учеными в этнографическое изучение североамериканского континента»⁶⁸.

В 1943—1965 гг., когда ИЭ и журналом «Советская этнография» руководил С.П.Толстов, огромное идеологическое значение придавалось таким вопросам, как историческая последовательность и универсальность материнского и отцовского родов, соотношение рода и общины, эволюция форм семьи и брака в первобытном обществе. Единственно правильной считалась энгельсовская трактовка этих проблем, опиравшаяся в основном на концепцию Л.Г.Моргана. Даже частичное несогласие с такой трактовкой рассматривалось как отход от марксизма. Юлия Павловна всегда была убежденным марксистом. Отмечая противоречивые черты в общественных институтах изучаемого ею региона, она на основе анализа большого фактического материала пришла к выводу, что у всех племен северо-западного побережья

древнейшей формой социальной организации был материнский род. Концепцию стадияльной первичности материнского рода, опирающуюся в методологическом отношении на теорию первобытности Моргана—Энгельса, Юлия Павловна отстаивала и в своих последующих научных трудах. При этом она выдвинула некоторые положения и гипотезы, встреченные с интересом не только учеными-марксистами. Как отмечал в 1992 г. М.Шерман, «в научном плане Аверкиева внесла много смелых и новых концепций в господствовавшие на Западе представления. И позже в своих научных исследованиях она занималась изучением различных механизмов, посредством которых примитивные племена простых рыболовов и охотников развивались в устойчивые классовые системы, определенные члены которых изначально считались выше, чем другие. Именно сложная социальная система индейцев американского северо-западного побережья послужила основой для всех ее будущих исследований»⁶⁹.

В июле 1962 г. Петровой-Аверкиевой была присуждена ученая степень доктора исторических наук. И в том же году она вступила в КПСС.

В рамках соглашения о сотрудничестве Академий наук СССР и Кубы и по приглашению незадолго до того созданного Института этнографии и фольклора Кубы Юлия Павловна выехала туда в конце ноября 1964 г. в трехмесячную научную командировку. Ей предстояло прочитать на английском языке кубинским коллегам лекции об основных принципах этнографической науки, важнейших тенденциях в ней и связях с другими науками, рассказать о методике исследований и разных аспектах этнографической работы. По сохранившимся в ее архиве материалам видно, как тщательно она перед поездкой готовилась к этим лекциям. В отчете о командировке она сообщала: «Мною было проведено 15 бесед с кубинскими коллегами, в девяти из них я остановилась на нашем понимании этнографии как исторической науки, нашем определении места этнографии в системе наук, нашем определении предмета и метода этнографической науки. Кратко охарактеризовала основные направления советских исследований, главным образом исследований современности. Пять бесед были посвящены критике различных школ и направлений в современной западной этнографии. Одна беседа посвящена итогам седьмого Международного конгресса этнографических и антропологических наук <...> На беседах обычно присутствовали все сотрудники института с тетрадями в руках, хотя беседы записывались на магнитофонную пленку. Проходили они очень оживленно <...> Четыре занятия были посвящены вопросам методики полевых исследований <...> Большой интерес вы-

звали вопросники, применяемые нашими учеными при изучении культуры и быта сельского и городского населения»⁷⁰.

Юлия Павловна говорила о важности антропологического изучения современного населения страны, подчеркивая, что Куба — прекрасная лаборатория для изучения процессов метисации и наследственности. Для антропологов она по их просьбе рассказала об изучении в Советском Союзе проблем первобытного общества.

Значительную часть командировки заняли поездки по Кубе. Петрова-Аверкиева побывала в четырех рыбацких поселках провинции Гавана, где познакомилась с жизнью рыбаков, организацией их труда, заработками, деятельностью их кооперативов и рыбацкой школой. Очень интересной для нее оказалась поездка в расположенный около г. Мадруга поселок индейцев юкатеков, привезенных на Кубу в середине XIX в. из Мексики. Почти неделю заняла экспедиция с группой кубинских этнографов в одну из гранх (госхоз) по выращиванию сахарного тростника в провинции Лас-Вильяс. Там, в поселке Пирагуа, она познакомилась и подружилась с большой семьей потомственных мачетерос — Хосефы и Доминго Суаресов.

Одной из особенно интересовавших ее проблем были индейцы Кубы. И в этой связи, несомненно, самой интересной для нее стала двухнедельная маршрутная экспедиция совместно с кубинскими коллегами по гористой провинции Ориенте. «Наблюдения, — отмечает она, — оставили у меня впечатление, что население многих пунктов Ориенте является потомками индейцев и, что особенно важно, считает себя индейцами. В их современной жизни, особенно в материальной культуре, сохраняется еще много элементов индейской культуры, преобразовывавшихся очень медленно в условиях отсталости этих районов. <...> По словам жителей г. Баракоа, индейское население горного района сохранило в своем языке много индейских слов»⁷¹.

К сожалению, огромный личный архив Ю.П.Петровой-Аверкиевой, находящийся в архиве Института этнологии и антропологии РАН (АИЭА), до сих пор остается в неразобранном и неопианном состоянии. Однако хранящиеся в нем письма убедительно свидетельствуют об уважении и симпатии со стороны общавшихся с ней кубинцев и кубинцев. В письмах Архильерса Леона, Каликсты Гитерас, Эстрельи Рей Бетанкур и других кубинских этнографов выражалась благодарность за ее советы, беседы, прочитанный ею в Гаване цикл лекций и за подготовку обучавшегося в 60-х годах в аспирантуре ИЭ Рафаэля Л.Лопеса Вальдеса, который написал под ее научным руководством и успешно защитил в Москве кандидатскую диссертацию. В 70-х годах Юлия Павловна была официальным оппонентом на защите докторской

*Ю.П.Петрова-Аверкиева с индианками юкатеками.
Куба. 1964 г.*

и кандидатской диссертаций Э.Рей Бетанкур и Хосе Гуарчем Дельмонте.

В 60-х годах, выступив с рядом докладов на международных конгрессах и опубликовав статьи о развитии и основных течениях в современной американской этнографии, Ю.П.Петрова-Аверкиева продолжала изучение проблем воздействия капитали-

стической колонизации на индейское общество⁷². Этой теме была посвящена ее монография «Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв.», в которой были показаны возникновение имущественного неравенства, сдвиги в социальном строе, особенности межплеменных отношений индейских племен, оттесненных колонизаторами в степную зону североамериканского материка и превратившихся в конных охотников и коневодов. Поскольку социальная структура общества этих коневодов-кочевников в основном возникла и разрушилась в XVII—XIX вв., ее изучение, выйдя за пределы американистики, оказалось полезно для понимания эволюции кочевых обществ и в других регионах мира, для выявления особенностей процессов распада родо-племенных связей у народов многих развивающихся стран⁷³.

Продолжая исследования процессов распада родо-племенных связей и трансформации социальной системы разных народов под воздействием дальнейшего развития мировой капиталистической системы, Юлия Павловна в 1973 г. выступила со статьей на эту тему в коллективной работе «Основные проблемы африканистики»⁷⁴, а в 1974 г. опубликовала большую монографию «Индейцы Северной Америки. От родового строя к классовому». В этой работе были подробнейшим образом проанализированы сдвиги в социальной организации и культуре четырех крупных групп различных по своему культурно-хозяйственному типу и уровню социально-экономического развития индейских племен (алгонкинских и атапаскских племен, населявших Арктику, Субарктику и лесную зону Северной Америки; тлинкитов, квакиютлей и других племен ее северо-западного побережья; ирокезских племен и лиги ирокезов; племен степной полосы континента), находившихся к середине XIX в. на разных стадиях процесса распада родового строя. Сравнительное исследование этих четырех групп в сочетании с широким привлечением сопоставимых данных о различных народах и племенах планеты позволило, воссоздав картину развития индейских обществ Северной Америки в предколониальный и колониальный периоды их истории, показать четыре варианта процесса зарождения у них классового общества. Как и в ряде статей Юлии Павловны, в монографии также рассматривалась проблема возникновения и развития процесса естественного и общественного разделения труда⁷⁵.

Близко к сердцу принимала Юлия Павловна проблемы современного индейского населения США и Канады, а также резко активизировавшегося в 70-х годах движения американских индейцев за свои права. Об этом свидетельствует ряд ее статей тех лет и предисловие к русскому изданию книги одного из видных участников движения, индейца-чироки Уильяма Мейера

«Коренные американцы»⁷⁶. Многих лидеров движения она знала лично. Наконец, при ее участии и с ее предисловием появились на прилавках наших магазинов и такие книги, как первое полное издание на русском языке записок Джона Тэннера «Тринадцать лет среди индейцев» (которые в 1836 г. в рецензии на них в «Современнике» А.С.Пушкин назвал документом, «драгоценнейшим во всех отношениях»), а также «Индейцы без томагавков» чеха Милослава Стингла.

Почти полвека, начиная с 30-х годов и вплоть до своей кончины, Петрова-Аверкиева интересовалась теоретическими проблемами этнографии и смежных научных дисциплин. В этой связи она стремилась постоянно следить за развитием этнографической науки в США, за всем новым в американской этнографической мысли и литературе и регулярно публиковала обзоры и критические, основанные на глубоком изучении материала, нередко полемического характера, но порою излишне идеологизированные статьи по этим вопросам. Вместе с тем она всегда, даже в самый разгар «холодной войны» между США и СССР, считала необходимым и важным сотрудничество с американскими учеными. Поддерживая особенно тесные связи с американскими этнографами-марксистами и близкими к марксизму, Юлия Павловна на рубеже 60—70-х годов приняла самое активное участие в издании в Нью-Йорке Элеонорой Ликок, Нэнси Лурье и другими учеными сборника «Североамериканские индейцы в исторической перспективе»⁷⁷, а затем участвовала в переводе и публикации этого сборника на русском языке в Москве (написала к нему вступительную статью)⁷⁸.

Еще в 1975, а затем в 1979 г. в беседах с корреспондентами петрозаводской газеты «Ленинская правда» и московской «Правды» Юлия Павловна, подчеркивая, что особое внимание ее как этнографа-американиста привлекали проблемы периодизации первобытного общества, ранние формы наследования, проблема военной демократии у индейцев Северной Америки, а также учение Л.Г.Моргана и его влияние на развитие этнографии на Западе, говорила о задуманной ею книге, где «будут подведены итоги многолетних дискуссий с зарубежными учеными»⁷⁹. Итогом работы над этой проблематикой⁸⁰ стала последняя монография Ю.П.Петровой-Аверкиевой «История теоретической мысли в американской этнографии». Осмысливая в ней сложный путь, пройденный этнографической наукой в Соединенных Штатах за столетие — с последней четверти XIX до последней четверти XX в., — автор подвергла анализу и критике, естественно с точки зрения своих марксистских научных убеждений, основные течения и школы американской социальной антропологии/этнографии, а

также концепции ряда ведущих американских ученых⁸¹. В опубликованной журналом «Народописне актуалити» (Братислава) рецензии на эту книгу известный словацкий этнограф Адам Пранда писал: «Интерес к монографии Ю.П.Аверкиевой обусловлен диалектически связанными между собой ее аспектами — с одной стороны, познавательным, в рамках которого автор критически и объективно проанализировала развитие почти за последние сто лет теоретической мысли в трудах ряда крупнейших представителей американской этнографии. С другой стороны, аспект методологический, в рамках которого она показала, в чем состоит основа марксистской методологии в процессе изучения столь сложного объекта, как этнос и его культура, в контексте различных течений в американской этнографии»⁸².

Юлию Павловну знали в мировом научном сообществе. Ее доклады звучали на Международных конгрессах антропологических и этнографических наук в Москве (1964), Токио (1968), Чикаго (1973), Дели (1978), Международных социологических конгрессах в Эвиане (1966), Варне (1970), Торонто (1974), Стокгольме (1978), Международном конгрессе психологов в Москве (1966), научных симпозиумах в Лейпциге (1973), Бург-Вартенштейне в Австрии (1976) и других международных форумах. И повсюду они носили проблемный характер, везде она, как правило, была активным участником научных дискуссий. И хотя далеко не всегда в ходе полемики оппонентов убеждала аргументация автора, а ее — их доводы, но за высокий профессионализм и глубокое знание предмета своих исследований Петрову-Аверкиеву уважали и те зарубежные ученые, которые не разделяли ее концепций, являясь ее «идеологическими противниками».

Юлия Павловна избиралась в руководящие органы международных научных обществ, была членом Постоянного совета Международного союза антропологических и этнографических наук, а с 1974 г., после VIII Международного социологического конгресса, стала вице-президентом Исследовательского комитета по этническим и расовым отношениям и положению меньшинств при Международной социологической ассоциации. Ее фонд в архиве Института этнологии и антропологии РАН содержит обширную переписку с президентом этого комитета проф. Дж.Рексом (Ковентри, Англия), исполнявшим обязанности секретаря комитета К.О'Салливен (Чикаго, США), многими учеными Европы, Северной и Латинской Америки, Индии и т.д.

Ю.П.Петрова-Аверкиева была видным организатором отечественной науки. Почти полтора десятка лет, с 1966 по 1980 г., она являлась главным редактором журнала «Советская этнография», и под ее руководством лицо этого центрального органа

этнографов нашей страны во многом изменилось. Для Юлии Павловны как ученого и главного редактора было характерно сочетание глубокой принципиальности, бескомпромиссности в отстаивании марксистской методологии с высокой человечностью, тактом и доброжелательностью по отношению к коллегам, авторам, сотрудникам редакции, и это благотворно сказывалось на работе редакционного коллектива. В журнале появились новые разделы и рубрики (например, «Поиски, факты, гипотезы»), заметно расширился круг авторов, на его страницах стало больше статей теоретического, проблемного характера, в том числе впервые в области этносоциологии. В то же время одним из основных в журнале стал отдел «Дискуссии и обсуждения», в рамках которого в те «застойные» годы состоялся целый ряд актуальных и плодотворных дискуссий по важнейшим проблемам этнографии и смежных научных дисциплин (теории этноса, теоретическим проблемам первобытности, специфике кочевничества, религии как социального явления, генезисе искусства и др.). В ходе этих дискуссий нередко высказывались взгляды, не совпадавшие с ее собственными, в том числе по кардинальным вопросам теории первобытности, но Петрова-Аверкиева не препятствовала свободному обмену мнениями на страницах журнала⁸³.

О том, какой колоссальный вклад вложен был лично Юлией Павловной в работу журнала, свидетельствует ее активнейшая переписка с десятками авторов из самых различных стран Европы, Америки, Азии, Африки и всех республик бывшего СССР, сохранившаяся в ее научном архивном фонде.

Последние пять лет жизни Петрова-Аверкиева возглавляла еще и сектор народов Америки ИЭ, одним из ведущих сотрудников которого являлась с середины 50-х годов. На этом посту она также была требовательным, но чутким и тактичным руководителем, щедро делилась с сотрудниками опытом, заботилась о подготовке научной смены. Мне, как ее заместителю в секторе в те годы, работать с ней было легко и приятно.

К Юлии Павловне в 60–70-х годах приходили десятки писем студентов и школьников с вопросами и просьбами посоветовать, где, как и какую литературу об индейцах Северной Америки (в том числе и ее книги) можно «достать» и куда нужно поступать учиться, чтобы стать этнографом-американистом. В ее архивном фонде сохранились письма из Липецка, Куйбышева, Стерлитамака, Хабаровска, Йошкар-Олы, Баку, Ивано-Франковска, села Мужы Тюменской области, Карелии, Бурят-Монголии, Северной Осетии, Чувашии и многих других регионов СССР, а также из ГДР.

Жизнь не раз подвергала Юлию Павловну тяжелым и жестоким испытаниям, заставила пережить не одну личную трагедию.

Ю. П. Петрова-Аверкиева.
Начало 70-х годов

Все это не могло не наложить отпечаток на ее дальнейшую жизнь и, возможно, парадоксальным образом консервировало ее идейно-теоретические взгляды. Однако внешне она всегда держалась спокойно и сдержанно, была доброжелательна, одета строго, но безукоризненно и обладала тонким чувством юмора. Позволю себе с разрешения одной из сотрудниц бывшего Института этнографии АН СССР, а ныне Института этнологии и антропологии РАН воспроизвести рассказ о том, какое впечатление произвела на нее Петрова-Аверкиева:

«Юлия Павловна вообще, по-моему, избегала, за редчайшим исключением, близких контактов, выходящих за научные рамки. Она держалась со всеми одинаково ровно и на достаточном расстоянии. Никогда я не слышала от нее высказываний на житейские темы, тем более разговоров о личной жизни, выступлений на общих собраниях коллектива. В ее тихом голосе, который Юлия Павловна при мне ни разу не повысила, в полуулыбке, никогда не переходящей в смех, в редкой работоспособности и неукоснительной дисциплине, во всем ее холодноватом облике скрывалась загадка каменного сфинкса.

Многое для меня прояснилось в Юлии Павловне лишь после того, как от одного из сотрудников я услышала жуткую историю о годах ее заключения, отлучения от маленького сына и тяжелой физической работы в ссылке... Позже мне случалось бывать у нее дома, познакомиться с ее дочерьми и сыном... К ней просто нельзя было подходить с общими мерками. Она прошла слишком суровую школу жизни и все же добилась очень многого в науке. Для этого, кроме всего прочего, нужны были большая воля и мужество. Она не позволяла себе расслабиться и казалась ученым "сухарем", но не дала окаменеть своей душе»⁸⁴.

Юлия Павловна, действительно, была человеком большого мужества, глубокой порядочности, огромной трудоспособности, силы воли и твердого характера. Именно эти качества позволили ей в последние годы жизни, будучи уже неизлечимо больной, не только успешно руководить журналом и сектором народов Америки, но и готовить к публикации новые труды, вышедшие в свет уже после ее кончины⁸⁵. Разве не об этом говорит обнаруженная в ее архиве написанная от руки докладная записка в дирекцию ИЭ за 70 дней до ухода из жизни: «Прошу Вашего разрешения перенести завершение работы над монографией "Индийский компонент в формировании наций США и Канады" на 1982 год в связи с тем, что последний год я была занята публикацией своей книги "История теоретической мысли в американской этнографии" (20 а. л.). Длительное заболевание <...> значительно снизило темпы моей работы. 31.VII.1980. Ю.Петрова-Аверкиева»⁸⁶.

В служении науке Юлия Павловна видела свое жизненное призвание. И когда ее повезли из санатория «Узкое», где она находилась в начале осени 1980 г., в старую академическую больницу, она попросила проехать по улице Дмитрия Ульянова, чтобы последний раз взглянуть на располагавшийся там в те годы родной институт.

Ю.П.Петрова-Аверкиева скончалась 9 октября 1980 г. Урна с ее прахом захоронена в могиле мужа, А.А.Петрова, на Ваганьковском кладбище в Москве.

¹ *Бацер И.* Хвуана из рода квакиютлей. — Ленинская правда (Петрозаводск). 11.X.1975.

² ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, ед. хр. 224, л. 85—86; ф. 222, оп. 2, ед. хр. 722, л. 21—22; АИЭА, фонд Ю.П.Петровой-Аверкиевой; фонд не описан, нумерация единиц хранения и листов отсутствует; *Бацер И.М., Чесноков Ж.* Назвали Хвуаной. — Правда. 5.XI.1975; *Бацер И.М.* Человек с именем. Петрозаводск, 1987, с. 74.

³ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, ед. хр. 224, л. 85; АИЭА, фонд Ю.П.Петровой-Аверкиевой.

⁴ ПФ АРАН, ф. 222, оп. 2, ед. хр. 722, л. 3; *Бацер И.М., Чесноков Ж.* Назвали Хвуаной, с. 6.

⁵ Цит. по: *Гаген-Торн Н.И.* Memoria. М., 1994, с. 258.

⁶ АРНБ, ф. 10/1, д. 2, л. 1; *Петрова-Аверкиева Ю.П.* Франц Боас (1858—1942). — КСИЭ, вып. 1. М., 1946, с. 102.

⁷ *Shternberg L.I.* Social Organization of the Giliacs. Ed., with a Foreword and Afterword, by V. Grant. Vancouver, 1999. App. A, p. 239; ЦА ФСБ, ед. хр. Р. 5293, л. 124.

⁸ ПФ АРАН, ф. 222, оп. 2, ед. хр. 722, л. 19, 20.

⁹ *Бацер И.М.* Хвуана из рода квакиютлей, с. 73, 75.

¹⁰ Там же, с. 76.

¹¹ Там же, с. 76—77.

¹² Там же, с. 78—80; *Averkieva J., Sherman M.A.* Kvakiutl String Figures. Vancouver, 1992, p. XVII.

¹³ ПФ АРАН, ф. 222, оп. 2, ед. хр. 722, л. 1, 2.

¹⁴ *Averkieva J., Sherman M.A.* Kvakiutl String Figures, p. XIII, XV, XX—XXI.

¹⁵ Ibid., p. XI; *Бацер И.* Хвуана из рода квакиютлей, с. 3.

¹⁶ *Бацер И.М., Чесноков Ж.* Назвали Хвуаной, с. 6.

¹⁷ ЦА ФСБ, ед. хр. Р. 5293, л. 198—199.

¹⁸ Там же, л. 102, 330—334.

¹⁹ Там же, л. 240—247.

²⁰ Утверждения М.Шермана, будто бы Ю.П.Аверкиевой был создан североамериканский отдел МАЭ и привезены «более половины предметов его постоянной коллекции» (*Averkieva J., Sherman M.A.* Kvakiutl String Figures, p. XX), явно преувеличены. См.: Архив отдела Америки МАЭ. Опись коллекции № 4271. СобираТЕЛЬ и составитель Аверкиева Ю.П. 5—7.VII.1931.

²¹ ПФ АРАН, ф. 222, оп. 2, ед. хр. 722, л. 3—4; ф. 142, оп. 5, ед. хр. 74, л. 3; ф. 4, оп. 4, ед. хр. 4253, л. 3.

²² *Shternberg L.I.* Social Organization of the Giliacs, p. XVII, XLVIII—XLIX, 79—94, 239—241.

²³ *Аверкиева Ю.* Современная американская этнография. — СЭ. 1932, № 2, с. 97—102.

²⁴ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, ед. хр. 74, л. 3.

²⁵ Там же; см. также ф. 222, оп. 2, ед. хр. 722, л. 53.

²⁶ *Аверкиева Ю.П.* Рабство у племен северо-западного побережья Северной Америки. — СЭ. 1935, № 4—5, с. 40—61.

²⁷ *Averkieva J.* Slavery among the Indians of North America. Victoria, 1957; 2 ed. — 1966.

²⁸ *Averkieva J., Sherman M.A.* Kvakiutl String Figures, p. XVIII; см. также: *Shternberg L.I.* Social Organization of the Giliacs, p. XVII.

²⁹ АИЭА, фонд Ю.П.Петровой-Аверкиевой.

³⁰ Архивная справка ЦА ФСБ от 11 октября 2000 г. за № 10/А-3402.

³¹ *Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. М., 1998, с. 7, 9, 191—192, 210.

³² См. об этом подробнее: *Решетов А.М.* Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин. — Наст. изд., с. 180—183.

³³ *Shternberg L.I.* Social Organization of the Giliacs, p. XLVIII; *Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии..., с. 210—211.

³⁴ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, ед. хр. 224, л. 85; АИЭА. Фонд Ю.П.Петровой-Аверкиевой. Ее старшую коллегу по институту Н.И.Гаген-Торн, арестованную в 1936 г., следователь подробно расспрашивал о «контрреволюционной деятельности Маторина» и выяснял, «на какие темы вы говорили» с ним (*Гаген-Торн Н.И.* Memoria, с. 59).

- ³⁵ ЦА ФСБ, ед. хр. Р. 5293, л. 112, 131—132, 229.
- ³⁶ АРНБ, ф. 10/1, д. 2, л. 1, 3, 6, 8.
- ³⁷ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, ед. хр. 224, л. 85.
- ³⁸ АРНБ, ф. 10/1, д. 2, л. 9, 10.
- ³⁹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, ед. хр. 224, л. 2, 4, 82—84; ф. 222, оп. 2, ед. хр. 867, л. 3, 6—9, 23—26, 49.
- ⁴⁰ АИЭА, фонд Ю.П.Петровой-Аверкиевой; ЦА ФСБ, ед. хр. Р. 5293, л. 134.
- ⁴¹ *Каница М.С.* На разных параллелях. Записки дипломата. М., 1996, с. 9; *Тихвинский С.Л.* Китай в моей жизни (30—90-е годы). М., 1992, с. 23—24.
- ⁴² *Петрова-Аверкиева Ю.П.* К вопросу о потлаче у индейцев Северо-Западной Америки. — КСИЭ, вып. 1. 1946, с. 26—29; *она же.* Франц Боас (1858—1942). — Там же, с. 101—111; *она же.* Психологическое направление в современной американской этнографии. — СЭ. 1947, № 1, с. 218—221; АИЭА, фонд Ю.П.Петровой-Аверкиевой. Распоряжение № 364 по отделу аспирантуры АН СССР от 13.VIII.1945.
- ⁴³ ЦА ФСБ, ед. хр. Р. 5293, л. 327; *Аверкиева Ю.П.* Пережитки женского рода у квакиютлей. — ТИЭ. Т. 2. М., 1947, с. 153—173.
- ⁴⁴ АИЭА, фонд Ю.П.Петровой-Аверкиевой.
- ⁴⁵ Архивная справка ЦА ФСБ от 10 октября 2000 г. за № 10/А-3402.
- ⁴⁶ *Гаген-Торн Н.И.* Memoria, с. 228.
- ⁴⁷ *Averkieva J., Sherman M.A.* Kvakiutl String Figures, p. XIX.
- ⁴⁸ *Каница М.С.* На разных параллелях, с. 24—25. Маршалл Джордж Кэтлет (1880—1959) — в 1939—1945 гг. председатель комитета начальников штабов вооруженных сил США, в 1945—1946 гг. личный представитель президента Г.Труммена в Китае, в 1947—1949 гг. государственный секретарь, автор широко известного «плана Маршалла».
- ⁴⁹ Там же, с. 34.
- ⁵⁰ Интервью автора статьи с Д.Д.Тумаркиным 6 февраля 2001 г.
- ⁵¹ ЦА ФСБ, ед. хр. Р. 5293, л. 327—329. Абакумов В.С. — в 1946—1951 гг. министр государственной безопасности СССР (в июле 1951 г. арестован, в декабре 1954 г. расстрелян). Комаров В.И. — полковник, зам. начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР (в 1951 г. арестован, в 1954 г. расстрелян).
- ⁵² ЦА ФСБ, ед. хр. Р. 5293, л. 31—112.
- ⁵³ Там же, л. 6—16.
- ⁵⁴ Там же, л. 196—197, 229—230, 325.
- ⁵⁵ Там же, л. 143—145.
- ⁵⁶ Там же, л. 273—296.
- ⁵⁷ Там же, л. 264—265.
- ⁵⁸ Там же, л. 266—272.
- ⁵⁹ Именно Берия после смерти Сталина освободил арестованного в 1951 г. Абакумова. См.: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999, с. 25, 76, 205, 224, 334, 342, 363, 375, 376, 406; *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. Воспоминания. М., 1999. Кн. 1, с. 192—194, 618; кн. 2, с. 31, 32—33, 50, 52—55; *Чувев Ф.* Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999, с. 395, 442, 532, 542—543, 547; *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. М., 2000, с. 524; *Трояновский О.* Через годы и расстояния. М., 1997, с. 135—136, 165, 169.
- ⁶⁰ ЦА ФСБ, ед. хр. Р. 5293, л. 310—317, 321.
- ⁶¹ *Петров А.А.* Ван Чун. Древнекитайский материалист и просветитель. М., 1954. 104 с.
- ⁶² ЦА ФСБ, ед. хр. Р. 5293, л. 318—320, 323, 326.
- ⁶³ Там же, л. 327, 332, 343—344.

⁶⁴ *Аверкиева Ю.П.* Материалы нью-йоркского съезда этнографов. — СЭ. 1955, № 4, с. 148—155; *она же.* Индейцы прерий. — ТИЭ. 1955, т. 25, с. 98—118 (в соавторстве с И.А.Золотаревской).

⁶⁵ Главы: «Индейцы Северо-Западного побережья Северной Америки»; «Индейские племена северо-американских степей и плато»; «Охотничьи племена Американского севера» (в соавторстве); «Индейцы Северо-Восточного и Приозерного районов США» (в соавторстве); «О современных индейцах и эскимосах Канады»; «Современное население Канады» (в соавторстве).

⁶⁶ См. работы Ю.П.Аверкиевой: О постановке некоторых проблем в современной американской этнографии. — СЭ. 1958, № 3, с. 174—184; Неозволюционизм в современной американской этнографии. — СЭ. 1959, № 6, с. 180—188; К вопросу о тотемизме у индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки. — ТИЭ. 1959, т. 51, с. 250—265; К истории металлургии у индейцев Северной Америки. — СЭ. 1959, № 2, с. 61—79; Из истории общественного строя у индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки (род и потлач у тлинкитов, хайда и цимшиян к середине XIX в.) — ТИЭ. 1960, т. 58, с. 5—12; Проблема собственности в современной американской этнографии. — СЭ. 1961. № 4, с. 200—213.

⁶⁷ *Аверкиева Ю.П.* Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки. М., 1961. 272 с.

⁶⁸ *Периц И.А.* [Рец. на:] Аверкиева Ю.П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений. — СЭ. 1962, № 1, с. 136—138.

⁶⁹ *Averkieva J., Sherman M.A.* Kvakiutl String Figures, p. XIX.

⁷⁰ АИЭА, фонд Ю.П.Петровой-Аверкиевой.

⁷¹ Там же.

⁷² См. работы Ю.П.Аверкиевой: Соотношение родовой и соседской общины у индейцев Северной Америки. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (МКАЭН). М., 1964; Естественное и общественное разделение труда и проблема периодизации истории первобытного общества. — От Аляски до Огненной Земли. М., 1967, с. 72—84; Род и община у алгонкинов и атапасков американского Севера. — Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968, с. 7—166; О месте военной демократии в истории общества. Доклад на VIII МКАЭН. М., 1968; Изменения в экономике и социальной жизни индейцев Северной Америки под воздействием колонизации. — СЭ. 1968, № 1, с. 56—70; О ранних формах наследования. — Социология и идеология. М., 1969, с. 453—458; О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки. — СЭ. 1970, № 5, с. 33—45.

⁷³ *Петрова-Аверкиева Ю.П.* Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970. 176 с.

⁷⁴ *Аверкиева Ю.П.* О путях распада родового строя. — Основные проблемы африканистики. М., 1973, с. 51—57; *Averkieva J.* On the Forms of Disintegration of the Clan Society of North American Indians. Доклад на IX МКАЭН. М., 1973, p. 1—13.

⁷⁵ *Аверкиева Ю.П.* Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974. 348 с. См. об этой монографии: *Averkieva J., Sherman M.A.* Kvakiutl String Figures, p. XIX.

⁷⁶ См. работы Ю.П.Аверкиевой: Дискриминация индейцев в США. — Расизм — идеология империализма, враг общественного прогресса. М., 1973, с. 106—112; Индейцы вчера и сегодня. — США. Экономика, политика, идеология (далее США. ЭПИ). 1973, № 1, с. 53—61; Борьба индейцев Вундел Ни. — США. ЭПИ. 1973, № 6, с. 66—68; Вступительная статья. — *Мейер У.* Коренные американцы. Новое движение сопротивления индейцев. М., 1974, с. 5—13; Дви-

жение американских индейцев сегодня. — США. ЭПИ. 1981, № 2, с. 48—58; см. также: *Averkieva J., Sherman M.A. Kvakiutl String Figures*, p. XIX—XX.

⁷⁷ *Averkieva J. The Tlingit Indians. — North American Indians in Historical Perspective* N.Y., 1971, p. 317—342; *Averkieva J., Sherman M.A. Kvakiutl String Figures*, p. XIX—XX.

⁷⁸ *Аверкиева Ю.П.* Предисловие и введение. — Североамериканские индейцы. Под ред. Ю.П.Аверкиевой. М., 1978, с. 5—29.

⁷⁹ *Бацер И.* Хвуана из рода квакиютлей, с. 3; *Бацер И.М., Чесноков Ж.* Назвали Хвуаной, с. 6.

⁸⁰ См. работы Ю.П.Аверкиевой: Современная американская этнография. — СЭ. 1932, с. 97—102; Психологическое направление в современной американской этнографии. — СЭ. 1947, № 1, с. 218—221; О постановке некоторых проблем в современной американской этнографии. — СЭ. 1958, № 3, с. 174—184; Неоэволюционизм в современной американской этнографии. — СЭ. 1959, № 6, с. 180—188; Проблема собственности в современной американской этнографии. — СЭ. 1961, № 4, с. 200—213; Основные течения в современной этнографии США. — ВИ. 1962, № 7, с. 98—100; Этнофрейдизм в США. — СЭ. 1962, № 4, с. 3—15; Проблема историзма и современная буржуазная этнография. — Вопросы истории. 1964, № 10, с. 96—107; О месте военной демократии в истории общества. Доклад на VIII МКАЭН. М., 1968, с. 1—13; Л.Г.Морган и этнография США в XX в. — ВИ. 1968, № 7, с. 52—66; О ранних формах наследования. — Социология и идеология. М., 1969, с. 453—458; Неоэволюционизм и релятивизм в современной этнографии. Доклад на VII Всемирном социологическом конгрессе. М., 1970, с. 1—13; Этнография и культурная/социальная антропология на Западе. — СЭ. 1971, № 5, с. 9—16; Неоэволюционизм, релятивизм, расизм. — Расы и народы. Вып. 1. М., 1971, с. 34—45; К истории изучения индейцев в США. — Основные проблемы истории США в американской историографии. М., 1971, с. 6—20; Буржуазная этнография США и неокOLONиализм. — Новая и новейшая история. 1972, № 5, с. 66—73; О некоторых попытках интерпретации марксизма этнографами Запада. — СЭ. 1973, № 3, с. 19—27; Об отношении к марксизму в современной этнографии Запада. — Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки. М., 1973, с. 6—29; У истоков современной этнографии (к 100-летию выхода в свет «Древнего общества» Л.Г.Моргана). — СЭ. 1978, № 1, с. 15—33; Историко-философские взгляды Лесли Уайта (1900—1975). — Этнография за рубежом. М., 1979, с. 48—69 и др.

⁸¹ *Аверкиева Ю.П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979. 288 с.

⁸² *Pranda A.* [Рец. на:] *Averkieva J. Istorija teoretičeskoj mysli v amerikanskoj etnografii*. Moskva, 1979. — *Narodopisne actuality*. 1981, № 2 s. 118.

⁸³ *Тумаркин Д.Д.* Четырнадцать лет в «Советской этнографии» (из воспоминаний заместителя главного редактора журнала в 1966—1980 гг.). — ЭО. 2001, № 4, с. 20—26.

⁸⁴ Интервью автора статьи с Л.С.Шейнбаум 25 июля 2000 г.

⁸⁵ *Petrova-Averkieva J. Der Neoevolutionismus in der gegenwärtigen Ethnographie der USA. — Kultur und Ethnos*. В., 1980, S. 39—57; *Аверкиева Ю.П.* Движение американских индейцев сегодня. — США. ЭПИ. 1981, № 2, с. 48—58; *Averkieva J. Indiánok Eszak-Amerikában: Az őskőrösseg felbomlása és a kora osrtálytársadalom srületése*. Buda, 1983 (Индейцы Северной Америки. От родового строя к классовому. Будапешт, 1983, на венг. яз.)

⁸⁶ АИЭА, фонд Ю.П.Петровой-Аверкиевой.